

Театр и музыка.

Русский театр «Чайка», Чехова, поставленная вчера на нашей сцене, как и можно было ожидать, не вышла того высшего уровня, которого прежде всего добиваются драматурги нашего времени. Пьеса, поставленная в театре, скучно и, с точки зрения критического рецензента, почти без всякого интереса.

Ничего впечатлительнее скромная «Чайка», чуждая всяким искусственным эффектам, производимым на вдумчивого зрителя, ум и сердце которого не скованы шаблонными образами современной драматургии. «Чайка» прежде всего — кусочек жизни, настоящей, безыскусственной жизни, как она есть в действительности. Некоторая выдержка вчерашней игры, если можно так сказать, не особенно вредила делу — в ней была жизнь того озера, на котором жила «Чайка» — живая, стрелковая, и придавала знаменитой артистке и писателю, совершенно лишённой души и таланта этой жизни, живущей своими интересами, не могущей ни в каком смысле мирного озера, ни поджечь окружающей обстановки; жизнь шла своим чередом; чайка мечтательная, страстно, нервно закручивалась, испуганная дождем, стрелками, и, наконец, одинаково бьющим и по сороке и по воробью...

Героиня пьесы хорошая, чуждая, мечтательная, незаурядная девушка, ждавшая на своем родном острове рыбака-избавителя, мечтавшая о славе, в сущности имевшей много общего с неудачником Константином Треплетевым, отравившим в нее влюбленным, которого давить и терзать шаблоны в искусстве, а который неудачно пытается создать новые формы искусства. По моему, Треплетев вовсе не декадент в специальном смысле этого модного слова, — в то время пришлось бы зачислять в декаденты всякого, кто бездумно порывался мыслями в ту голубую даль, которую воспевают поэты, и где отблеск дум, истерзанная современной действительностью. Горе Треплеву в том, что он, как безталантный человек, не мог создать тех новых форм, в которых он хотел воплотить терзавшие его порывы мысли его духовной беспомощности. Треплетев — герой юного; он и без неудачной любви равно дошел бы до самоубийства. Отсюда и симпатия к нему публики. Г. Чехов хорошо понял свою роль и провел ее с искренней простотой и сердечной искренностью. Ему больше встать и подмигивать. Самоубийство Треплева за кулисами, а не на виду превращающего его обличья, доказывает также искренность этого персонажа. Правдивый, глубокий Чехов не

хотел пожертвовать правдой ради эффекта, и пьеса оттого, конечно, только выиграла. Драма, поставленная в театре, как и в жизни, производит потрясающее впечатление.

Г-жа Лаппо-Давыдовская дала очень милый образ страдалицы-чайки (Нина Заречная), подстреленной в сердце неосторожной рукой «знаменитого писателя». «Чайка» — тоже романтическая девушка, не нашедшая выражения своей мечте, то же, как и Треплетев, безталанная жертва своего духовного бессилия. Будь Треплетев и Чайка талантливы — они творили бы чудеса. Стрелковая жизнь на мигром море подрывала могущие крылья обонять, и она погибла, не оставив по себе никакого следа.

Г. Рахманов совершенно испортил интересную роль «знаменитого писателя» (Треплетев), лишив своей деревенской игрой всякого интереса и смысла фигуру Треплетева, этого модного властителя женских сердец. — Г. Рахманов бродил по сцене как наивный, парализуя игру и г-жи Лаппо-Давыдовской и г-жи Чаровой (знаменитая актриса); вместо того, чтобы пьесу держать на своих плечах, слушать ее центром духовным, солнцем, оживляющим сердца влюбленных в него женщин, его поклонниц, он своим мертвым одиозным давил и душил ее; в то же время много содействовал его достойные коллеги г. Горский (учитель) и г-жа Ростова (Маша), первый — какой-то заспавший куцерь, вторая — ходячая ханжра Иванова, способная творить муку с тоски. Безобразно-длинными интракты довершили дело. Публика ушла из театра страшно утомленной, неудовлетворенной, но в том повинны не пьеса, а режиссер и ее исполнители, не сумевшие дать определенных образов, намеченных в пьесе. К слову сказать, г-жа Чарова очень удачно спела объяснения в любви у ног... наивной г. Рахманова.

Публика ушла из театра утомленной, неудовлетворенной, но вместе с тем и грустной. Тоскливая, коопредельная боль щемила сердце.

Я думаю эта боль навеяна той немой тоской, бесконечным взглядом на окружающую жизнь, какой был от всех последних произведений Чехова. В «Чайке» собственно не было Чехова: жизненная правда, грустная мудрость и алиозичность... «Чайка» требует незаурядных сценических сил, строго обдуманной постановки...

Скромный.